В. А. МОШИН

Из переписки самозванца Тимошки Акундинова

В первой половине XVII в., когда новая русская династия Романовых, опиравшаяся на служилый класс, не удовлетворила желания низших общественных слоев, в разных областях России, а особенно на казацкой Украине, много раз поднимались революционные движения, возглавляемые самозванцами, сулившими народным массам возможность социального переворота.

Последним из девятнадцати самозванцев этого периода был Тимошка Акундинов. Он родился в Вологде в октябре 1617 г. Его отец, стрелец Демидка, сначала торговал холстами, а потом жил у вологодского архиепископа Варлаама. Тимошка провел детство в хоромах этого архиерея, который очень любил талантливого мальчика и называл его «княжеским рождением и царевою палатою», что, по признанию Тимошки, внушило ему мысль о самозванстве. Получив здесь первое образование и научившись держаться среди знатных людей, Тимошка служил потом подьячим у известного московского дьяка и дипломата Ивана Патрикеева, а после его падения в 1645 г. бежал вместе с товарищем Косткой Конюховским в Литву, где выдавал себя за Ивана Каразейского, воеводу вологодского и наместника великопермского. Потом через Молдавию и Болгарию он пробрался в Константинополь, где объявил себя сыном царя Василия Шуйского; там он оставался три года и был вынужден «побусурманиться»; спасшись с помощью сербов, добрался до Рима, где перешел в католичество; скитался затем по Австрии, Трансильвании, Украине, Швеции (где принял лютеранство), Пруссии и Голштинии. Выданный Москве голштинским герцогом, Тимошка в 1653 г. был четвертован.

В историческом «досье» этого международного авантюриста, несомненно незаурядного человека, в течение семи лет умевшего внушать к себе доверие европейских государей и дипломатов, сохранилось несколько писем, небезынтересных с литературной точки зрения. В живом языке подьяческого пера привлекают внимание отдельные украинизмы («нехай» в письме Костке и др.), которые Тимошка мог вынести из обихода Демидкиной семьи или приобрести за время пребывания в Польше, а может быть, они вошли уже в речь Москвы, в период живых связей с киевлянами. «Высокий» официальный стиль московской дипломатии и администрации — в послании князю Милютину — несомненно идет из школы дьяка Патрикеева, который, по словам Тимошки, дал ему образование, был ему «друг и оберегатель», «обо всем советовался» с ним и был даже посвящен в его самозванческие планы.

Особенно интересны в переписке Акундинова послание сербского церковного собора из Морачи в Рим по поводу унии, в составлении которого русский самозванец несомненно принимал личное участие (что видно по многочисленным русизмам наряду с хорватизмами миссионера Джованни Паскуале), послание князю Милютину вместе с рекомендательным пись-